

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ, РОМАНЫ,
РАССКАЗЫ

МИХ. ШОЛОХОВ

ВЛ. ЛУГОВСКОЙ

С. МСТИСЛАВСКИЙ

Н. ПОЛЕТАЕВ

ГРИГОРИЙ ДАЛЬНИЙ

ВАСИЛИЙ КУДАШЕВ

ПЕРЕЖИТОЕ

ЗИНАИДА РИХТЕР

ЖИЗНЬ НА ХОДУ

БОРИС ГОРБАТОВ

К Р И Т И К А

Е. УСИЕВИЧ

Г. ЛЕБЕДЕВ

К Н И Г А В О С Ъ М А Я

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 3 2

В. Луговской — Интернационал, стих. М. Шолохов — Тихий Дон, роман. В. Ставский — Зарницы (3 книга „Станицы“), В. Луговской — Пудинг безработных, стих. Н. Ляшко — Рассказы. ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Германия сегодня. З. Чаган — Усилия (главы из книги „О Магнитострое“). В. Шуликов — Мечтатели и мастера. ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ: Ф. Панферов — Говорите голосом книг. А. Суриков — Через творческое размежевание к подлинной консолидации. ПУБЛИЦИСТИКА: Д. Заславский — Спекуляция на плане. И. Ерухимович — Изобличающий документ. КРИТИКА: Л. Авербах — За ленинскую партийность творческого метода. Н. Плиско — О „Разбеге“ В. Ставского.

М. Шолохов — Тихий Дон, роман (продолжение). А. Сурков — Застава Ильича, стих. Вилли Бредель — Улица Розенгоф (отрывки из романа). Вл. Луговской — Вахшстрой, стих. Вас. Кудашев — Камень на дороге, роман. Евг. Павличенко — Северный поход, стих. ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Карьера Адольфа Гитлера (продолжение). М. Запрудный — Лесорубы. Ив. Семенов. Мистер Томас (глава из книги „Записки автогенщика“). В. Хандрос — В стране мирабилита. В. Шуликов — Мечтатели и мастера. ПЕРЕЖИТОЕ: Ф. Федотов — Фирма „Да-Шен-Ку“. ПУБЛИЦИСТИКА: Мих. Попов — Одна из великих побед техники. КРИТИКА: С. Нельс — „Последний из удэге“ А. Фадеева. БИБЛИОГРАФИЯ: А. Михайлов — М. Добрынин — „Против механистов и эклектиков“. Б. Бакинский — В. Каверин — „Художник неизвестен“. С. М-с — Эмиль Мадарас — „Борьба Павла Чигаиды“.

Мих. Шолохов — Тихий Дон, роман (продолжение). В. Ставский — Зарницы (продолжение). А. Гидаш — Моряки, стих. В. Кудашев — Камень на дороге, роман (продолжение). Э. Х. Вафа — Дорого обошедший урок, стих. Б. Левин — Возвращение, рассказ. Вл. Резчиков — Груз, стих. М. Киреев — Думай, сосед, рассказ. М. Исаковский — Разговор с лошадей, стих. Ю. и В. Кртынец-Ивлиевы — Из мотивов токаря, стих. ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Карьера Адольфа Гитлера (продолжение). В. Хандрос — В стране мирабилита, очерк. А. Бобунов — Летчики, очерк. Ф. Федотов — Небесные собаки, очерк. Гарт Свит — Пища для души, очерк. КРИТИКА: И. Нович — Заметки о „Нашгороде“ Горбатова. Е. Злотова — Война в лабораторий. БИБЛИОГРАФИЯ: Б. Другов — „Рейд Черного Жука“ И. Макарова. С. М-с — „Крепче стали“ — Л. Шипилин. С. М-с — „О чем рассказал Григорьев“ — М. Вейс. Г. К. — „Тайбола“ — Ал. Зуева.

Мих. Шолохов — Тихий Дон, роман (продолжение). В. Кудашев — Камень на дороге, роман (продолжение). С. Леонов — Последний подарок (из книги новелл). С. Щипачев — Эжен Потье, стих. Эс-Хабиб-Вафа — Индусенки негодуют, стих. М. Зотов — Старый закат, рассказ. ПЕРЕЖИТОЕ: Ф. Фред — „Форду безразлично“. ПУБЛИЦИСТИКА: П. Юдин — Борьба на два фронта в философии и гегелевская диалектика. И. Газин — В сумерках буржуазной культуры. КРИТИКА: Г. Лукач — Чем является для нас Гете. А. Серафимович — Живой завод. А. Селивановский — О ведущей оси пролетарской литературы. А. Митрофанов — За высокую художественность. М. Платошкин — На правильном пути. В. Ставский — Книга о борьбе за социализм. Д. Мазкин — „Нашгород“ и его апологет И. Нович. БИБЛИОГРАФИЯ: Б. Другов — В. Перцов — „Писатель на производстве“. И. Павлов — Ал. Яковлев — „Ударный сокол“ Г. К. — „Америка граничит с нами“, Ю. Галкин — Фраерман — „Васька Гиляк“.

Я. Шведов — Поиски отечества, повесть. Вл. Луговской — Учитель, стих. В. Кудашев — Камень на дороге, роман (продолжение). Борис Ручьев — Песня, стих. Григорий Дальний — Срок, повесть. А. Эрлих — Соперники, рассказ. Чарльз Гаррисон — Ребенок родился (отрывки из романа). ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Карьера Адольфа Гитлера. Борис Горбатов — Горный поход, очерки. Вит. Уваров — Две силы, очерк. ПУБЛИЦИСТИКА: Г. Васильковский — Химия + советская власть. КРИТИКА: И. Разин — К новым победам. И. Нович — О „Ведущей оси“ и задачах пролетарской литературы. Г. Колесникова — Два романа о классовой борьбе. БИБЛИОГРАФИЯ: С. М-с — Альманах „Вчера и сегодня“. И. Тверской — Чекменев — „Сектанты“.

ОКЛЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

К Н И Г А
В О С Ъ М А Я
А В Г У С Т

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1932

13-я типография Мособлполиграф,
Б. Дмитровка, 28.
Статф. Б-176-250, 12 п. л. 70430 экз в п. л.
Тираж 20000 экз.
Сдан в набор 3|VIII—82 г.
Подписан к печати 4|IX—82 г.
Уполномоченный Главлита Ц—2537
Техн. редактор Г. Федорова;

ТИХИЙ ДОН

Р О М А Н

МИХ. ШОЛОХОВ

(Продолжение)

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава LXII

Дорога по Большому Громку в одном месте шла мимо огорожи, сложенной из серого камня-плитняка, а потом круто заворачивала к Дону, спускалась в глубокий суходольный яр, через который был перекинут бревенчатый мост.

В сухую погоду теклина яра желто отсвечивала песком, цветастой галькой, а после летнего ливня с бугра в яр стремительно скатывались мутные дождевые потоки, они сливались, вода шла на низ стеной, вымывая и ворочая камни, с гулом ввергаясь в Дон.

В такие дни мост затопляло, но не надолго, через час-два бешенная нагорная вода, недавно разорявшая огороды и вырывавшая плетни вместе со стоянами, спадала, на оголенной подошве яра свежо сияла влажная, пахнувшая мелом и сыростью, омытая галька, по краям коричневым гляncем блистал наносный ил.

По обочинам яра густо росли тополи и вербы. В тени их стояла прохлада даже в самую жаркую пору летнего дня.

Прельстившись холодком, возле моста расположилась застава Вешенской инородней дружины. В заставе было одиннадцать человек. Пока в хуторе не появлялись беженские подводы, дружинники, лежа под мостом, играли в карты, курили, некоторые, расстелившись, очищали швы рубах и исподников от ненасытных солдатских вшей, двое отпросились у взводного — пошли в Дон купаться.

Но отдых был кратковременен. Вскоре к мосту привалили подводы. Они двигались сплошным потоком, и сразу в сон-

ном, тенистом проулке стало людно, шумно, душно, словно вместе с подводами свалилась в хутор с обдонского бугра и едкая степная духота.

Начальник заставы — он же командир третьего взвода дружины, — высокий, сухой унтер-офицер, с подстриженной бурой бородкой и большими, по-мальчишески оттопыренными ушами, стоял около моста, положив ладонь на потрепанную кобуру нагана. Он беспрепятственно пропустил десятка два подвод, но, усмотрев на одной арбе молодого — лет двадцати пяти — казака, коротко приказал:

— Стой!

Казак натянул вожжи, нахмурился.

— Какой части? — строго спросил взводный, подойдя к арбе вплотную.

— А вам чево надо?

— Какой насти, спрашиваю? Ну?

— Рубежинской сотни. А вы кто такие есть?

— Слазь!

— А кто вы такие?

— Слазь, говорят тебе!

Круглые ушные раковины взводного жарко вспыхнули. Он отстегнул кобуру, вытащил и передал в левую руку наган. Казак сунул вожжи жене, соскочил, с арбы.

— Почему не в части? Куда едешь? — допрашивал его взводный.

— Хворал. Еду зараз на Базки... С семейством нашим еду.

— Документ о болезни есть?

— Откель он може быть? Фершала не было при сотне...

— А! Не было? Ну-ка, Карпенко, отведи его в школу!

— Да вы кто такие из себя?

— А вот там мы тебе покажем, кто мы такие!

— Я должен в свою часть направляться! Не имеешь прав меня задерживать!

— Сами тебя направим! Оружие при тебе?

— Винтовка одна...

— Бери, да живо у меня, а то враз нашьвыряю! Какой молодой, ссукин сын, а под бабу лезешь, хоронишься! Мы, что ли, тебя должны защищать?— и с презрением кинул вслед: —Каз-зу-ня!

Казак вынул из-под полости винтовку, взял жену за руку, целоваться при людях не стал, лишь черствую женину руку на минуту задержал в своей руке, шепнул что-то, пошел следом за дружинником к хуторской школе.

Скопившиеся в проулке подводы с громом устремились по мосту.

Застава за час задержала человек пятьдесят дезертиров. Из них некоторые при задержании сопротивлялись, особенно один — немолодой, длинноусый, бравый на вид казачок с хутора Нижне-Кривского, Еланской станицы. На приказ начальника заставы сойти с брички, он ударил по лошадям кнутом. Двое дружинников схватили лошадей за узцы, остановили уже на той стороне моста. Тогда казачок не долго думая, выхватил из-под ватолы американский винчестер, скинул его к плечу.

— Дороги!.. Убью, растакую вашу мать!

— Слазь, слазь! У нас приказ — стрелять, кто не подчиняется. Мы тебя скорее посодим на мушку!

— Муж-жи-ки-и-и!.. Вчера красные были, а ноне казакам указываете? Шерсть вонючая!.. Отойди, ударю!..

Один из дружинников в новехоньких зимних обмотках стал на переднее колесо брички и после короткой схватки вырвал винчестер из рук казака. Тот по-кошачьи изогнулся, скользнул рукой под ватолу, выхватил из ножен шашку, стоя на коленях, потянулся через прицепную раскрашенную люльку и чуть-чуть не достал концом клинка головы во-время отпрыгнувшего дружинника.

— Тимоша, брось! Тимонюшка! Ох, Тимоша!.. Да не надо же!.. Не связывайся!.. Убьют они тебя!..— плакала и лома-

ла руки дурнолицая, исхудалая жененка разбушевавшегося казака.

Но он, поднявшись на бричке во весь рост, еще долго размахивал сине поблескивавшим клинком, не подпуская к бричке дружинников, хрипло матерился, бешено ворочал по сторонам глазами. «Отой-дии!.. Зарублю!..» По исчерна-смуглому лицу его ходили судороги, под длинными желтоватыми усами вскипала пенистая слюна, голубоватые белки глаз все больше наливались кровью...

Его с трудом обезоружили, повалили, связали. Воинственность лихого казака объяснялась просто: в бричке пошарили и нашли распчатый ведерный кувшин крепчайшего самогона — первака...

В проулке образовался затор. Так плотно стиснулись повозки, что потребовалось выпрягать быков и лошадей, на руках вывозить арбы к мосту. Хряпали, ломались дышла и оглобли, зло взвизгивали кони. Быки, облепленные слепнями, не слушая хозяйских окриков, ошалев от нуды, лезли на плетни. Ругань, крик, щелканье кнутов, бабьи причитания еще долго звучали около моста. Задние подводы, там где можно было разминуться, повернули назад, снова поднялись на шлях с тем, чтобы спуститься к Дону на Базках.

Арестованных дезертиров направили под конвоем на Базки, но так как все они были вооружены, то конвой не смог их удержать. Сейчас же за мостом между конвойными и конвоируемыми возникла драка, спустя немного дружинники вернулись обратно, а дезертиры организованном порядком сами пошли на Вешенскую.

Прохора Зыкова тоже задержали на Громке. Он пред'явил отпускную бумажку, выданную Григорием Мелеховым, и его пропустили, не чиня препятствий.

Уже перед вечером он приехал на Базки. Тысячи подвод, приваливших с Чирских хуторов, запрудили все улицы и проулки. Возле Дона творилось нечто неопишное. Беженцы заставили подводами весь берег на протяжении двух километров. Тысяч пятьдесят народа ждали переправы, рассыпавшись по лесу.

Против Вешенской на пороме переправляли батареи, штабы и войсковое имущество. Пехоту перебрасывали на

маленьких лодках. Десятки их сновали по Дону, перевоза по три-четыре человека. У самой воды, около пристани, вскипала дикая давка. А конницы, оставшейся в арьергарде, все еще не было. С Чира попрежнему доносились раскаты орудийных выстрелов, и еще резче, ошутимей чувствовался терпкий, прогорклый запах гари!

Переправа шла до рассвета. Часов в двенадцать ночи подошли первые конные сотни. С рассветом они должны были начать переправу.

Прохор Зыков, узнав о том, что конные части первой дивизии еще не подошли, решил дожидаться свою сотню на Базках. С трудом провел он коня в поводу мимо сбитых сплошняком повозок и изгороди базковской больницы, не расседлавая, привязал к грудушке чьей-то арбы, разнуздal, а сам пошел между повозками искать знакомых.

Возле дамбы издала увидел Аксинью Астахову. Она шла к Дону, прижимая к груди небольшой узелок, накинув внапашку теплую кофту. Яркая, бросающаяся в глаза красота ее привлекала внимание толпившихся у берега пехотинцев. Они говорили ей что-то похабное, на потных, запыленных лицах их в улыбках бело вспыхивали зубы, слышен был смачный хохот и гококanye. Рослый беловолосый казак, в распоясанной рубахе и сбившейся на затылок папахе, сзади обнял ее, коснулся губами смуглый точеюй шеи. Прохор видел, как Аксинья резко оттолкнула казака, что-то негромко сказала ему, хищно очернив рот. Кругом захохотали, а казак срыв папаху, силпо пробасил:

— Эх, тетуня! Да хучь разок!!

Аксинья ускорила шаг, прошла мимо Прохора. На полных губах ее дрожала презрительная улыбка. Прохор не окликнул ее, он шарил по толпе глазами, искал хуторян. Медленно подвигаясь между повозками, мертво протянувшими к нему оглобли и дышла, услышал пьяные голоса, смех. Под арбой, на разостланной дерюге сидело трое стариков. Между ногами у одного из них стояла цыбарка с самогоном. Подгулявшие старики по очереди черпали самогон медной кружкой, сделанной из орудийной гильзы, пили, закусывали сушеной ры-

бой. Резкий запах самогона и солонцеватый душок просоленной рыбы заставили проголодавшегося Прохора остановиться.

— Служивый! Выпей с нами за все хощее!— обратился к нему один из стариков.

Прохор не заставил себя упрашивать. сел, перекрестился, улыбаясь принял из рук хлебосольного деда кружку со сладко пахнущим самогоном.

— Пей, покедова живой! Вот чебачком¹ закуси. Стариками не надо, парнишша, гребовать. Старики — народ умственный! Вам, молодым, ишо учиться у нас надо, как жизнь проводить и...

— ...ну, и как водочку пить, — гундо- другой дедок с провалившимся носом и обнаженной до десен верхней губой.

Прохор выпил, опасливо косясь на безносого деда. Между второй и третьей кружкой не вытерпел, спросил:

— Прогулял нос, дедушка?

— Не-е-ет, милый! Это — от простуды. Ишо с малюшки дюже от простуды хварывал, через это и попортился.

— А я было погрешил на тебя, думая: «Не от дурной ли хворости нос осел? Как бы не набратсья этой чепухи!» — чистосердечно признался Прохор.

Успокоившись дедовым заверением, он жадно припал губами к кружке и уже без опаски и без передышки опорожнил ее до дна.

— Пропадает жизнь! Как тут не запьешь? — орал хозяин самогона — плотный и здоровый дед. — Вот привез я двести пудов пшеницы, а с тыщу бросил дома... Пять пар быков пригнал и прийдется все это тут кинуть, через Дон ить не потянешь за собой? Все мое нажитое пропадает! Песни играть хочу! Гуляй, станишники!

Старик побагровел, глаза его увлажнились слезами.

— Не кричи, Трофим Иванович. Москва — она слезам не дюже верит. Живы будем — ишо наживем! — уговаривал гундосый старик приятеля.

— Да как же мне не кричать?! — с неказившимся от слез лицом повышал го-

¹ Леш.

лос старик.— Хлеб пропадает! Быки подохнут! Курень сожгут красные! Сына осенью убили! Как можно мне не кричать? Для кого наживал? За лето десять рубах, бывало, сопреют на плечах от поту, а зараз остаюся нагий и босый... Пей!

Прохор под разговор с'ел широкого, как печной заслон, чебака, выпил кружек семь самогону. До того набрался, что с чрезвычайными усилиями встал на ноги.

— Служивый! Защита наша! Хошь, коню твоему зерна дам? Сколько хошь?

— Ме-шок!—безразличный ко всему окружающему бормотнул Прохор.

Старик насыпал ему травяной чувал отборного овса, помог поднять на плечо.

— Чувал принеси! Не забудь, ради Христа!— просил он, обнимая Прохора и плача пьяными слезами.

— Нет, не принесу. Говорю, не принесу, значаща не принесу...— ни весть отчего упорствовал Прохор.

Раскаиваясь, он пошел от арбы. Чувал гнул его, кидал в стороны, Прохору казалось, что идет он по одетой скользкой гололедкой земле. Ноги его расползались и дрожали, как у некованой, вступавшей на лед сторожкой лошади. Сделав еще несколько неверных шагов, остановился. Никак не мог припомнить: была на нем шапка или нет? Привязанный к бричке гнедой, белолобый мерин учуял овес, потянулся к чувалу, куснул угол. В прорыв, мягко шурша, потекло зерно. Прохору стало легче, и он снова пошел.

Может быть, и донес быг остатки овса до своего коня, но огромный бык, мимо которого он проходил, вдруг сбоку, по бычиному обыкновению, лягнул его ногой. Быка измучили овода и мошкара, он ошалел от жары и нуды, не подпускал к себе людей. Прохор, бывший в этот день не первой жертвой бычиной ярости, отлетел в сторону, ударился головой о ступку колеса, тотчас же уснул.

Очнулся за полночь. Над ним в сизой вышине, клубясь, стремительно неслись на запад свинцово-серые тучи. В прорывы на миг выглядывал молодой погожий месяц, и снова тучевою наволочью крылось небо, и словно бы усиливался в темноте резкий, прохладный ветер.

Совсем близко за арбой, около которой лежал Прохор, шла конница. Под множеством обутых в железные подковы лошадиных копыт земля стонала и немо охала. Пырсакали кони, чуя близкий дождь, вызванивали о стремяна шашки, вспыхивали рдяные огоньки цыгарок. От проходивших сотен наносило конским потом и кислотным душком ременной амуниции.

Прохор — как и всякий служивый казак — сроднился за годы войны с этим смешанным, только коннице присущим запахом. Казаки пронесли его по всем дорогам от Пруссии и Буковины до донских степей, и он — нерушимый душок кавалерийской части — был столь же близок и знаком, как и запах родного куреня. Жадно шевельнув куцыми глазами, Прохор приподнял тяжелую голову.

— Это какая часть, братцы?

— Конная...— игриво ответил басок из темноты.

— Да чья, спрашиваю, часть?

— Петлюры...— отвечал тот же басок.

— Эка, сволочь!

Подождал немного, новторил вопрос:

— Какой полк, товарищи?

— Боковский.

Прохор хотел встать, но в голове тяжело билась кровь, к горлу подступала тошнота. Прилег, снова уснул.

К заре потянуло с Дона сыростью и холодом.

— Не помер?— сквозь сон услышал он голос над собою.

— Теплый... и вышитый,— отвечал кто-то над самым Прохоровым ухом.

— Тяни его к чорту! Развалился, как пабло! А ну, дай ему под дыхало!

Древком пики всадник больно толкнул еще не пришедшего в себя Прохора в бок, чьи-то руки сцапали его за ноги, поволокли в сторону.

— Растягивай повозки! Подошли, туды вашу мать! Нашли время дрыхнуть. Красные вот-вот на хвост наступают, а они спят, как дома! Отодвигай повозки в сторону, зараз батарея пойдет! Живо!.. Загородили дорогу... Ну и наро-о-о-од!..— загремел властный голос.

Спавшие на повозках и под повозками беженцы зашевелились. Прохор вскочил на ноги. На нем не было ни винтов-

ки, ни шапки, не было и сапога на правой ноге; все это умудрился растерять он после вчерашней пьянки. Недоумевающе оглянувшись, хотел было поискать под арбой, но соскочившие с лошади ездовые и номера подошедшей батареи безжалостно опрокинули арбу вместе со стоявшими на ней сундуками, в миг очистили проход для орудий.

— Тро-га-а-ай!..

Ездовые вскочили на лошадей. Туго дрогнув, натянулись широкие шивные построжки. Высокие колеса одетого в чехло орудия лягнули на выбоине. Зарядный ящик зацепился осью за дышину брички, отломил ее.

— Бросаете фронт? Вояки, раз'язви вашу мать! — крикнул с брички гундосый старик, с каким вечером выпивал Прохор.

Батарейцы проезжали молча, спешили к переправе. Прохор в предрассветных сумерках долго искал винтовку и коня. Так и не нашел. Возле лодок снял последний сапог, кинул его в воду и долго мочил голову, стянутую обручами невыносимой боли.

Конница начала переправляться на восточном берегу. Полтора ста расседанных лошадей первой сотни спешенные казаки подогнали к Дону повыше колена, от которого Дон под прямым углом сворачивал на восток.

Командир сотни — по глаза заросший рыжей щетинистой бородкой, горбоносый и свирепый на вид, — был разительно похож на дикого кабана. Левая рука его висела на грязной, окровавленной перевязи, правая — безустально играла плетью.

— Не давай коням пить! Гони! Гони их! Да што ты... мать... мать... мать... воды боишься, што ли?!.. Заброди!.. Он у тебя не сахарный, не размокнет!.. — кричал он на казаков, загонявших лошадей в воду, и под рыжими усами его обнажались клыкастые белые зубы.

Лошади табунились, неохотно шли в знобкую воду, казаки шумели, секли их плетями. Первым поплыл вороной, белоноздый конь с широкой розоватой прозвездью во лбу. Он, как видно, плавал не впервые. Вислозадый круп его омывала волна, мочалистый хвост относи-

ло на сторону, а шея и спина были наружи. За ним пошли остальные лошади, разрезая стремя, с гулом и фырканием погружаясь в закипевшую воду. Казаки на шести баркасах поехали следом. Один из провожатых, стоя на носу баркаса, на всякий случай приготовил веревочный аркан.

— Наперед не заезжай! Направляй их наискосок течению! Не давай, штобы их сносило!

Плеть в руке сотенного ожила, описала круг, щелкнув, опустилась на голенище измазанного в известке сапога.

Быстрое течение сносило лошадей. Вороной легко плыл впереди остальных, выдлившись на два лошадиных корпуса. Он первый выбрался на песчаную отмель левобережья. В этот момент из-за кустистых ветвей осокоря глянуло солнце, розовый луч упал на вороного коня, и глянцева от влаги шерсть его на миг вспыхнула черным, неугасимым пламенем.

— За кобылкой Мрыхина поглядывай!.. Подсоби ей!.. На ней уздечка! Да гребни же! Гребни!.. — хрипло кричал похожий на кабана сотенный.

Лошади благополучно переплыли. На той стороне их ждали казаки. Они разбирали лошадей, накидывали уздечки. С этой стороны начали перевозить седла.

— Где вчерась горело? — спросил Прохор у казака, подносившего к лодке седла.

— По Чиру.

— Снарядом зажгло?

— Каким там снарядом! — сурово отвечал казак. — Красные подпаливают...

— Все начисто? — изумился Прохор.

— Да не-е-ет. Богатые курени жгут, какие железом крытые, либо у кого подворье хорошее.

— Какие же хутора погорели?

— С Вислогузова до Грачева.

— А штаб первой дивизии, не знаешь, где зараз?

— На Чукаринском.

Прохор вернулся к беженским подводам. Всюду над бескрайне протянувшимся станом схватывался под ветром горький дымок костров из сушняка, разобранных плетней и сухого скотиньего помета: бабы варили завтраки.

За ночь прибыло еще несколько тысяч беженцев со степной полосы правобережья.

Возле костров, на арбах и повозках пчелиный гуд голосов.

— Когда она приспееет нам, очередь, переправляться? Ох, не дождешься!

— Накажи господь — высыплю хлеб в Дон, штобы красным не достался!..

— Возля порома ми-и-и-ру — как туча стоит!

— Болезная моя, как же мы сундуки-то бросим на берегу?

— Наживали-наживали... Господи-су-се... Кормилец наш!..

— Было бы на своем хуторе пере-ехать. Понесла нелегкая сила в эти Вешки, эх!

— Калинов угол, гутарили, начисто спалили.

— Гребтилось на пором добраться...

— Ну, а то помилуют, што ли!

— У них приказ—всех казаков от шести лет и до самых ветхих годов — рубить.

— Зашшучут нас на энтой стороне... Ну, што тогда?

— Вот мяса нашатают!..

Около раскрашенной тавричанской брички ораторствует статный седобровый старик, по виду и властным замашкам — хуторской атаман, не один год носивший атаманскую насеку с медным надвершием:

— Спрашиваю: «Стало быть, миру погибать надо на берегу? Когда же мы сумеемся со своими гуньями на энту сторону перекинуться? Ить нас же вырубят красные на кореню!» А ихнее благородие говорит мне: «Не сумлевайся, папаша! До тех пор будем позиции занимать и отстаивать, покеда весь народ переедет. Костьми ляжем, а жен — детей — стариков в трату не дадим!»

Седобрового атамана окружают старики и бабы. Они с величайшим вниманием выслушивают его речь, потом поднимается общий суматошный крик:

— А почему батарея смоталась?

— За малым людей не потоптали, скакали на переправу!

И конница пришла...

— Што это за порядки? Жителей побросали, а сами...

— А войска тяпают передом!..

— Кто нас будет оборонять?

— Кавалерия вон вплынь пошла!..

— Всякому своя рубаха...

— То-то и оно!

— Кругом предали нас!

— Гибель подходит, вот што!

— Высылать надо к красным стариков с хлебом-солью. Может, смилуются, не будут казнить...

На в'езде в проулок, около большого кирпичного здания больницы появляется конник. Винтовка висит у него на передней седельной луке, сбочь покачивается выкрашенное в зеленое древко пики.

— Да это мой Микишка! — обрадованно вскрикивает распкрытая пожилая баба.

Она бежит к всаднику, перепрыгивая через дышла, протискиваясь между повозками и лошадьми. Верхового хватают за стремяна, останавливают. Он поднимает над головой серый пакет с сургучной печатью, кричит:

— С донесением в главный штаб! Пропустите!

— Микишенька! Сынок! — взволнованно кричит пожилая баба.

Растрепанные, черные с проседью космы волос ее падают на сияющее лицо. Она с дрожащей улыбкой, всем телом прижимается к стремяни, к потному лошадиному боку, спрашивает:

— На нашем хуторе был?

— Был. Зараз в нем красные...

— Курень наш?..

— Курень целый, а Федотов сожгли. Наш сарай было занялся, но они сами затушили. Фетиска отгелъ трибегла, рассказывала, что старшой у красных сказал: «Штоб ни одна бедняцкая хата не сгорела, а буржуев жгите!»

— Ну, слава те господи! Спаси их христос! — крестится баба.

Суровый старик негодующе говорит:

— А то чего же, милушка моя! Суседа спалили — так это «слава те господи?»

— Чорт ево не взял! — горячо и быстро лопочет баба. — Оч себе ишо выстроит, а я за какую петлю строилась бы, ежли б сожгли? У Федота — кубышка золота зарытая, а у меня... весь

век по чужим людям, у нужды на по воду!

— Пустите, маманя! Мне с пакетом надо поспешать, — просит всадник, наклоняясь с седла.

Мать идет рядом с лошадьёю, на ходу целует черную от загара руку сына, бежит к своей повозке, а всадник юношеским тенорком кричит:

— Сторонись! С пакетом к командующему! Сторонись!

Лошадь его горячится, вертит задом, вытрясывает. Люди неохотно расступаются, всадник едет с кажущейся медлительностью, но вскоре исчезает за повозками, за спинами быков и лошадей, и только лишь пика колышется над многолюдной толпой, приближаясь к Дону.

LXIII

За день на левую сторону Дона были переброшены все повстанческие части и беженцы. Последними переправлялись конные сотни Вешенского полка первой дивизии Григория Мелехова.

До вечера Григорий с двенадцатью отборными сотнями удерживал натиск 33-й красной кубанской дивизии. Часов в пять от Кудинова получил уведомление о том, что воинские части и беженцы переправлены, и тогда только отдал приказ об отступлении.

По разработанному заранее плану, повстанческие сотни Обдонья должны были переправиться и разместиться каждая против своего хутора. К полудню в штаб стали поступать донесения от сотен. Большинство их уже расположилось по левобережью против своих хуторов.

Туда, где между хуторами были интервалы, штаб перебросил сотни из казачьей степной полосы правобережья. Кружинская, Максаево-Сингинская, Каргинская пешая, Латышевская, Лиховидовская и Грачевская сотни заняли промежутки между Пегаревкой — Вешенской — Лебяжинским — Красноярским, остальные отошли в тыл, на хутора Задонья: Дубровку, Черный, Гороховку, и должны были — по мысли Сафонова — составить тот резерв, который понадобился бы командованию в случае прорыва.

По левой стороне Дона, от крайних к западу хуторов Казанской станицы до

Устья-Хопра, на сто пятьдесят верст протянулся повстанческий фронт.

Переправившиеся казаки готовились к позиционным боям: спешно рыли траншеи, рубили и пилили тополи, вербы, дубы, устраивали блиндажи и пулеметные гнезда. Все порожные мешки, найденные у беженцев, насыпали песком, уложивали в накат, бруствером, перед сплошной линией траншей.

К вечеру рытье траншей всюду было закончено. За Вешенской, в сосновых посадках замаскировались первая и третья повстанческие батареи. На восемь орудий имелось всего-навсего пять снарядов. На исходе были и винтовочные патроны. Кудинов с конно-нарочными разослал приказ, строжайше запрещающий отстреливаться. В приказе предлагалось выделить из сотен по одному-по два наиболее метких стрелка, снабдить их достаточным количеством патронов с тем, чтобы эти сверхметкие стрелки уничтожали красных пулеметчиков и тех красноармейцев, которые будут показываться на улицах правобережных хуторов. Остальным разрешалось стрелять только в том случае, если красные вздумают предпринять попытку к переправе.

Григорий Мелехов уже в сумерках обехал разбросанные над Доном части своей первой дивизии, ночевать вернулся в Вешенскую.

Разводить огни в займище было воспрещено. Не было огней и в Вешенской. Все Задонье тонуло в лиловой мгле.

Рано утром на Базковском бугре появились первые красные раз'езды. Вскоре они замаячили по всем курганам правобережья, от Усть-Хоперской до Казанской. Красный фронт могущественной лавиной подкатывался к Дону. Потом раз'езды скрылись, и до полудня бугры мертвели в пустынной, тяжелой тишине.

По Гетманскому шляху ветер кружил белесые столбы пыли. На юге все еще стояла багрово-черная мгла пожарища. Разметанные ветром тучи скоплялись снова. По бугру легла крылатая тучевая тень. Жиганула белая при дневном свете молния; серебристой извилистой росшивью она на миг окаймила синюю тучу, сверкающим копьём метнулась вниз и ударила в тугую, выпуклую грудину строжевого кургана. Гром словно раско-

лол нависшую тучевую громадину: из недр ее хлынул дождь. Ветер косил его, нес белесыми, пляшущими волнами по меловым косогорам обдонских отрогов, по увядшим от жары подсолнухам, по поникшим хлебам.

Дождь обновил молодую, но старчески серую от пыли листву. Сочно заблестали яровые всходы, подняли круглые, обзерненные головы желтолицые подсолнухи, с огородов пахнуло медвяным запахом цветущей тыквы. Утолившая жажду земля долго дышала паром..

За полдень на сторожевых насыпных курганах, редкой цепью лежавших по обдонскому гребню, протянувшихся над Доном до самого Азовского моря, снова появились раз'езды красноармейцев.

С курганов желтобурунное плоское Задонье, изрезанное зелеными островами ендов, было видно на десятки верст. Красноармейские раз'езды с опаской стали с'езжать в хутора. С бугра цепями повалила пехота. За сторожевыми курганами, на которых некогда дозорные половцев и воинственных бродников караулили приход врага, стали красные батареи.

Расположившаяся на Белогорской горе батарея начала обстрел Вешенской. Первая граната разорвалась на площади, а потом серые дымки снарядных разрывов и молочно-белые, тающие на ветру шапки шрапнелей покрыли станцию. Еще три батареи начали обстреливать Вешенскую и казачьи траншеи у Дона.

На Большом Громке яростно возговорили пулеметы. Два «гочкиса» били короткими очередями, а баритонистый «максим» рассыпал неумолчную железную дробь, пристрелявшись по звенящей перебегавшей за Доном повстанческой пехоты. К буграм подтягивались обозы. На поросших терновником склонах гор рылись окопы. По Гетманскому шляху цокотали колеса двуколок и фурманок. за ними длинным, клубящимся подолом тянулась пыль.

Орудийный гул шел по всему фронту. С господствовавших над местностью обдонских гор красные батареи обстреливали Задонье до позднего вечера. Изрезанное траншеями повстанцев займище молчало на всем протяжении от Казанской до Усть-Хоперской. Коноводы ук-

рылись с лошадьми в потайных уремах, непролазно заросших камышом, осокой и кугой. Там коней не беспокоил гнус, в оплетенной диким хмелем чаще было прохладно. Деревья и высокий белотал надежно укрывали от глаз красноармейских наблюдателей.

Ни души не было на зеленой луговой пойме. Изредка лишь на лугу показывались согбенные от страха фигурки беженцев, пробиравшихся подальше от Дона. Красноармейский пулемет выщелкивал по ним несколько очередей, тягучий посвист пуль кидал перепуганных беженцев на землю.

Они лежали в густой траве до сумерок и только тогда на рысях уходили к лесу, без оглядки спешили на север, в енды, гостеприимно манившие густейшей зарослью ольшанника и берез.

Два дня Вешенская была под усиленным артиллерийским обстрелом. Жители не показывались из погребов и подвалов. Лишь ночью оживали изрытые снарядами улицы станции.

В штабе высказывали предположения, что столь интенсивный обстрел есть не что иное, как подготовка к наступлению, к переправе. Были опасения, что красные начнут переправу именно против Вешенской, с целью занять ее и, вонзившись клином в протянувшийся по прямой линии фронт, расчленив его надвое, а затем уже фланговым наступлением с Калача и Усть-Медведицы сокрушить окончательно.

По приказу Кудинова, в Вешенской у Дона было сосредоточено более двадцати пулеметов, снабженных достаточным количеством пулеметных лент. Командиры батарей получили приказ расстрелять оставшиеся снаряды только в том случае, если красные вздумают переправляться. Пором и все лодки были заведены в затон выше Вешенской, находились там под сильной охраной.

Григорию Мелехову опасения штабных казались необоснованными. На происходившем двадцать четвертого мая совещании он высмеял предположения Ильи Сафоновца и его единомышленников:

— На чем они будут переправляться против Вешек?— говорил он.— Да разве ж тут дозволительное для переправы место? Вы поглядите: с этой стороны, голый, как бубен, берег, песчаная, ровная коса, у самого Дона — ни лесочка, ни кусточка. Какой же дурак сунется в этой местности переправляться? Один Илья Сафонов при его способностях мог бы в такую пропасть лезть. Пулеметы на таком голом берегу выкосят всех до единова! И ты не думай, Кудинов, што красные командиры дурее нас с тобою. Середь них есть побашковитей нас! В лоб на Вешки они не пойдут, и нам следовалождать переправы не тут, а либо там, где мелко, где броды образуются на россыпях, либо там, где местность потаенная — в складках и в лесу. За такими угрожаемыми местами надо дюже наблюдать, особенно ночью; казаков предупредить, штобы маху не дали, штобы не програвчали, а к опасным местам загода подвести резервы, штобы было што сунуть на случай беды.

— Говоришь — не пойдут на Вешки? А почему они допоздна кроют по станции из орудий? — спросил помощник Сафонова.

— Это ты уж у них спроси. По одним Вешкам стреляют, што ли? И по Казанке бьют, по Еринскому вон с Семеновской горы и то наворачивают. Они сквозь бьют из орудий. У них снарядов, должно, трошки поболее, чем у нас. Это наша с... артиллерия имеет пять снарядов, да и у энтих стаканы из дуба тесаные.

Кудинов захохотал:

— Ну, вот это — в точку попал!

— Тут критику нечево наводить! — обиделся присутствовавший на совещании командир третьей батареи.— Тут надо о деле гутарить.

— Гутарь, кто ж тебе на язык наступает? — Кудинов нахмурился, заиграл пояском.— Говорено было не раз вам, чертям: «Не расходуйте без толку снаряды, блюдите для важных случаев!». Так нет, — били по чем попадя, по обозам и то били, а сейчас вот подошло гузном к пузу — вдарить нечем. Чево же обижаться на критику? Правильно мелехов над вашей дубовой артиллерией

надсмехается. Справа ваша истинно смеху достойна!

Кудинов стал на сторону Григория, решительно поддержав его предложение об усиленной охране наиболее подходящих для переправы мест и сосредоточении в непосредственной близости от угрожаемых участков резервных частей. Было решено из имевшихся в Вешенской пулеметов выделить несколько штук для передачи Белогорской, Меркуловской и Громковской сотням, на участках которых переправа была всего возможней.

Предположения Григория о том, что красные не будут предпринимать попыток к переправе против самой Вешенской, а изберут для этого более удобное место, подтвердилось на другой же день: утром командир Громковской сотни сообщил, что красные готовятся к переправе. Всю ночь на той стороне Дона слышался гомон, стук молотков, скрип колес. Откуда-то на многочисленных подводах на Громок привозили доски, их сбрасывали, и тотчас же начинали повизгивать пилы, слышно было, как стучали топорами и молотками. По всему можно было судить, что красные что-то сооружают.

Казаки вначале предполагали, что наводится понтонный мост. Двое смельчаков ночью зашли на полверсты выше того места, откуда доносились шумы плотницкой работы, растелешились и, под прикрытием надетых на головы кустов, по течению тихо сплыли на низ. Они были у самого берега, неподалеку от них переговаривались красноармейцы расположившейся под вербами пулеметной заставы, отчетливо слышались голоса и стук топоров в хуторе, но на воде ничего не было видно. Красные если и строили что-то, то во всяком случае не мост.

Громковский сотенный усилил наблюдение за неприятельской стороной. На заре наблюдатели, неотрывно смотревшие в бинокль, долго ничего не видели. Но вскоре один из них, считавшийся еще на германской войне лучшим стрелком в полку, приметил в предрассветном сумеречьи красноармейца, спускавшегося к Дону с двумя оседланными лошадьми.

— Красный спускается... к воде,— шепнул казак товарищу и отложил бинокль.

Лошади забрели по колено, стали пить.

Казак накинуд на локоть левой руки длинно отпущенный винтовочный погон, поднял навесную рамку, долго и тщательно выцеливал...

После выстрела одна из лошадей мягко завалилась на бок, другая — поскакала на гору. Красноармеец нагнулся, чтобы снять с убитой лошади седло, казак выстрелил вторично и тихо засмеялся: красноармеец быстро выпрямился, побежал было от Дона, но вдруг упал. Упал ничком и больше уже не поднялся...

Григорий Мелехов, как только получил сообщение о подготовке красных к переправе, оседлал коня, поехал на участок Громковской сотни. За станицей он вброд переехал узкий усенок озера, рукавом отходившего от Дона и тянувшегося до конца станицы, поскакал лесом.

Дорога лежала лугом, но по лугу было опасно ехать, поэтому Григорий избрал несколько кружный путь: лесом проехал до конца озера Рассохова, по кочкам и белоталу добрался до Калмыцкого брода (узкого протока, густо заросшего кувшиниками, резучкой и камышом, соединявшего одну из луговых музг с озером Подстойлицей) и, только переправившись через стремкий Калмыцкий брод, остановил коня, дал ему несколько минут отдохнуть.

До Дона было по прямой около двух верст. Ехать к траншеям лугом — значило подвергнуться обстрелу. Можно было дожидаться вечерних сумерок, чтобы пересечь ровное полотнище луга затемно, но Григорий, — не любивший ожидания, всегда говаривавший, что «хуже всего на свете — это дожидаться и догонять», — решил ехать сейчас же.

«Ахну наметом во всю конскую резвость, небось, не попадут!» — подумал он, выезжая из кустов.

Выбрал глазами зеленую гривку верб, отножной выходявшую из придонского леса, поднял плетъ. От удара, обжегшего круп, от дикого гика конь дрогнул всем телом, заложил уши и, все больше набирая скорость, птицей понес-

ся к Дону. Не успел Григорий проскакать полсотни сажень, как с бугра правобережья встретить ему длинными очередями зататакал пулемет. «Тюуть! Тюуть! Тюуть, Тюю!» — по-сурчиному засвистали пули.

«Увышил, дядя!» — подумал Григорий, стискивая конские бока, пуская поводья, касаясь щекой вихрившейся под встречным ветром конской гривы. И, словно угадав его мысль, красный пулеметчик, лежавший за зеленым щитком станкового пулемета где-то на беломысом бугре, взял прицел с упреждением, резанул струею пулеметного огня ниже, и уже под передними копытами коня смачно зачмокали, по-змеиному зашипели накаленные в полете пули. Они вгрызались во влажную, еще непросохшую от полной воды почву, брызгали горячей грязью... «Цок! Шшшиу! Цок! Цок!» И опять над головой и сбочь конского корпуса: «Тииууу! Тюють!.. Тииуууу!»

Приподнявшись на стремянах, Григорий почти лежал на вытянутой конской шее. Со страшной быстротой катилась навстречу зеленая грядина верб. Когда он достиг уже половины пути — с Семеновского бугра садануло орудие. Железный скрежет снаряда потряс воздух. Близкий грохот разрыва заставил Григория качнуться в седле. Еще не заглох в ушах его стонущий визг и вой осколков, еще не успели подняться в ближней музге камыши, поваленные буревым давлением воздуха, с шорохом выпрямлявшиеся, — как на горе раздался гром орудийного выстрела, и вой приближавшегося снаряда снова стал давить Григория, прижимать его к седлу.

Ему показалось, что гнетущий, достигший предельного напряжения скрежет на какую-то сотую долю секунды оборвался, и вот в эту-то сотую секунды перед глазами его дыбом встало взметнувшееся черное облако, от сокрушающего удара задрожала земля, передние ноги коня как будто провалились куда-то...

Григорий очнулся в момент падения. Он ударился о землю так сильно, что на коленях его лопнули защитные суконные шаровары, оборвались штрипки. Мощная волна сотрясенного разрывом воздуха далеко отбросила его от коня,

и, уже упав, он еще несколько сажен скользил по траве, обжигая о землю ладони и щеку.

Оглушенный падением, Григорий поднялся на ноги. Сверху черным дождем сыпались комки и крохи земли, вывернутые корневища трав... Конь лежал в двадцати шагах от воронки. Голова его была неподвижна, но задние ноги, закиданные землей, мокрый от пота круп и пологий скат репицы дрожали мелкой конвульсивной дрожью.

Пулемет на той стороне Дона умолк. Минут пять стояла тишина. Над музгой тревожно кричали голубые рыбники. Григорий пошел к коню, преодолевая головокружение. Ноги его тряслись были странно тяжелы. Он испытывал такое ощущение, какое обычно бывает при ходьбе после долгого и неудобного сиденья, когда от временно нарушенного кровообращения отекающие ноги кажутся чужими и каждый шаг звоном отдается во всем теле...

Григорий снял с убитого коня седло, но едва лишь только вошел в посеченные осколками камыши ближайшей музги, как снова с ровными промежутками застучал пулемет. Полета пуль не было слышно, очевидно, с бугра стреляли уже по какой-нибудь новой цели.

Час спустя он добрался до землянки сотенного.

— Зараз перестали плотничать, — говорил командир сотни, — а ночью непременно опять заработают. Вы бы нам патроников подкинули, а то ить хуч кричи — по обойме-по две на брата.

— Патроны привезут к вечеру. Глаз не своди с энтова берега!

— И то глядим. Ноне ночью думаю вызвать охотников, штобы переплыли да поглядели, што они там выстраивают.

— А почему этой ночью не послал?

— Посылал, Григорий Пантелеевич, двоих, но они забоялись в хутор итить. Возля берега проплыли, а в хутор — забоялись... Да и ково же понудишь зараз? Дело рискованное, напхнешься на ихнюю заставу, и враз заворот кровям сделают. Поблизу от своих базов што-то казачки не дюже лихость выказывают. На германской, бывало, до чорта было ристателей кресты добывать, а зараз не то

што в глыбокую разведку, в заставу — и то не допросишься итить. А тут с бабами беда: понашли к мужьям, ночуют тут же в окопах, а выгнать не моги. Вчерась начал их выгонять, а казаки на меня грозятся: «Пушай, дескать, помирнее себя ведет, а то мы с ним живо уравнимся!»

Григорий из землянки сотенного пошел в траншеи. Они зигзагом тянулись по лесу саженях в двадцати от Дона. Дубняк, кусты чилизняка и густая поросль молодых тополей скрывали желтую насыпь бруствера от глаз красноармейцев. Ходы сообщения соединяли траншеи с блиндажами, где отдыхали казаки. Около землянок валялась сизая шелуха сушеной рыбы, бараньи кости, подсолнечная лузга, окурки, какие-то лоскутья, на ветках висели выстиранные чулки, холстинные исподники, портянки, бабы рубахи и юбки...

Из первой же землянки высунула простоволосую голову молодая заспанная бабенка. Она протерла глаза, равнодушно оглядела Григория, как суслик в норе скрылась в черном отверстии выхода. В соседней землянке тихо пели. С мужскими голосами сплетался придушенный, но высокий и чистый женский голос. У самого входа в третью землянку сидела немолодая, опрятно одетая казачка. На коленях у нее покоилась тронутая сединой чубатая голова казака. Он дремал, удобно лежа на боку, а жена проворно искала его, была на деревянном зубчатом гребне черноспинных, головных вшей, отгоняла мух, садившихся на лицо ее престарелого «дружечки»... Если бы не злобное тархатенье пулемета за Доном, не гулкое буханье орудий, доносившееся по воде откуда-то сверху, не то с Мигулинского, не то с Казанского юртов, можно было бы подумать, что у Дона станом стали косари, так мирен был вид пребывавшей на линии огня Громковской повстанческой сотни.

Впервые за пять лет войны Григорий видел столь необычайную позиционную картину. Не в силах сдержать улыбки, он шел мимо землянок, и всюду взгляд его натыкался на баб, прислуживавших мужьям, чинивших, штопавших казачью одежду, стиравших служивское бельиш-

ко, готовивших им и мывших посуду после немудреного полуднования...

— Ничего вы тут живете! С удобствами...— сказал Григорий сотенному, возвратясь в его землянку.

Сотенный осклабился:

— Живем — лучше некуда!

— Уже дюже удобно! — Григорий наммурился: — Баб отседова убрать заразе! На войне — и такое... Базар тут у тебя али ярмарка? Што это такое? Этак красные Дон перейдут, а вы и не услышите, некогда будет слухать, на бабах будете страдать!.. Гони всех длиннохвостых, как только смеркнется! А то завтра приеду, и ежели завижу какую в юбке, голову тебе первому сверну!

— Оно-то так... — охотно соглашался сотенный. — Я сам — супротив баб, да што с казаками поделаешь? Дисциплина рухнула... Бабы по мужьям наскучали: ить третий месяц воюем!.. — А сам, багровея, садился на земляные нары, чтобы прикрыть собою брошенную на нары красную бабью завеску и, отворачиваясь от Григория, грозно косился на отгороженный дерюгой угол землянки, откуда высматривал смеющийся карий глаз его собственной жenuшки...

ЛXIV

Аксинья Астахова поселилась в Вешенской у своей двоюродной тетке, жиршей на краю станицы, неподалеку от новой церкви. Первый день она разыскивала Григория, но его еще не было в Вешенской, а на следующий день допоздна по улицам и переулкам свистали пули, рвались снаряды, и Аксинья не решилась выйти из хаты.

«Вызвал в Вешки, сулил — вместе будем, а сам лытает чорте где!» — озлобленно думала она, лежа в горнице на сундуке, покусывая яркие, но уже блекнувшие губы. Старуха-тетка сидела у окна, вязала чулок, после каждого орудейного выстрела крестилась.

— Ох, господи Ийсусе! Страсть-то какая! И чево они воюют? И чево они вз'елись один на одново?

На улице, саженях в пятнадцати от хаты, разорвался снаряд. В хате, жалобно звякая, просыпались оконные глазки.

— Тетка! Уйди ты от окна: ить могут в тебя попасть! — просила Аксинья.

Старуха из-под очков усмешливо осматривала ее, с досадой отвечала:

— Ох, Аксютка! Ну и дурная же ты, погляжу я на тебя!.. Што я, неприятель, што ли, ему? С какой стати они будут в меня стрелять?

— Нечаянно убьют. Ить они же не видют, куда пули летят!

— Так уж и убьют! Так уж и не видют! Они в казаков стреляют, казаки им, красным-то, неприятели, а я старуха, вдова, на што я им нужна? Они знают, небось, в ково им целить из ружьев, из пушков-то!

В полдень по улице, по направлению к нижней луке, промчался пригнувшийся к конской шее Григорий. Аксинья увидела его в окно, выскочила на увитое диким виноградом крыльцо, крикнула: «Гриша!..», но Григорий уже скрылся за поворотом, только пыль, вскинутая копытами его коня, медленно оседала на дороге. Бежать вдогонку было бесполезно. Аксинья постояла на крыльце, заплакала злыми слезами.

— Это не Степа промчился? Чевой-то ты выскочила, как бешеная?—спросила тетка.

— Нет... Это — один наш хуторной... — сквозь слезы отвечала Аксинья.

— А чево же ты слезу сронила? — допытывалась любознательная старуха.

— И чево вам, тетинька, надо? Не вашева ума дело!

— Так уж не нашава ума... Ну, значит, любезный промчился. А то чево ж! Ни с того, ни с сего ты бы не закричала... Сама жизнь прожила, знаю!

К вечеру в хату вошел Прохор Зыков.

— Здорово живете! А што у вас, хозюшка, никово нету из Татарскова?

— Прохор! — обрадованно ахнула Аксинья, выбежав из горницы.

— Ну, девка, задала ты мне пару! Все ноги прибил, тебя искавши! Он ить какой? Весь в батю взгальный. Стрельба идет темная, все живое похоронилось, а он — в одну душу: «Найди ее, иначе в гроб вгону».

Аксинья схватила Прохора за рукав рубахи, увлекла в сенцы.

— Где же он, проклятый?

— Хм... Где же ему быть? С позиций пеши припер. Коня под ним убили ноне. Злой пришел, как цепной кобель. «На-

шел?» — спрашивает. «Где же я ее найду? — говорю. — Не родить же мне ее!» А он: «Человек не иголка!» — да как зыкнет на меня... Истый бирюк в чело-вечей коже!

— Што он говорил-то?

— Сбирайся и пойдем, боле ничево.

Аксинья в минуту связала свой узелок, наспех попрощалась с теткой.

— Степан прислал, што ли?

— Степан, тетинька!

— Ну, поклон ему неси, што же он сам-то не зашел? Молочка бы попил, варе-ники вон у нас остались...

Аксинья, не дослушав, выбежала из хаты.

Пока дошла до квартиры Григория — запыхалась, побледнела, — уж очень быстро шла, так что Прохор под конец даже стал упрашивать:

— Послухай ты меня! Я сам в молодых годах за двумя притопывал, но сроду так не поспешал, как ты. Али тебе терпежу нету? Али пожар какой? Я задыхаюсь! Ну, кто так по песку летит? Все у вас как-то не полюдски...

А про себя думал:

«Сызнова склезились. Ну, зараз их и сам чорт не растянет! Они свой интерес справляют, а я должен был ее, суку, под пулями искать... Не дай и не приведи бог. — узнает Наталья, да она меня с ног и до головы... Коршуновскую породу тоже знаем! Нет, кабы не потерял я коня с винтовкой при моей пьяной слабости — чорта с два я пошел бы тебя искать по станице. Сами вязались — сами и развязывайтесь!»

В горнице с наглухо закрытыми ставнями дымно горел жирник. Григорий сидел за столом. Он только что вычистил винтовку и еще не кончил протирать ствол маузера, как скрипнула дверь. На пороге стала Аксинья. Узкий белый лоб ее был влажен от пота, а на бледном лице с такой исступленной страстью горели расширившиеся злые глаза, что у Григория, при взгляде на нее, радостно дрогнуло сердце.

— Сманул... а сам... пропадаешь!.. — тяжело дыша, выговаривала она. Для нее теперь, как некогда, давным-давно, как в первые дни их связи, уже ничего не существовало, кроме Григория. Снова мир умирал для нее, когда Григорий от-

сутствовал, и возрождался заново, когда он был около нее.

...Не совестясь Прохора, она бросилась к нему, обвилась диким хмелем, и плача, целуя щетинистые щеки любимого, осыпая короткими поцелуями нос, лоб, глаза, губы, невнятно шептала, всхлипывала:

— Из-му-чи-лась!.. Изболелась вся! Гришенька! Кровинушка моя!

— Ну вот... Ну, вот видишь... да погоди!.. Аксинья, перестань, — смущенно бормотал Григорий, отворачивая лицо, избегая глядеть на Прохора.

Он усадил ее на лавку, снял с головы ее сбившуюся на затылок шаль, пригладил растрепанные волосы.

— Ты какая-то...

— Я все такая же. А вот ты...

— Нет, ей-богу, ты — чумовая!

Аксинья положила руки на плечи Григория, засмеялась сквозь слезы, зашептала скороговоркой:

— Ну как так можно?.. Призвал... Пришла пеши все бросила, а ево нету... Проскакал мимо, я выскочила, шумнула, а ты уж скрылся за углом... Вот убили бы, и не поглядела бы на тебя в остатный разочек...

Она еще что-то говорила несказанно-ласковое, милое, бабье, глупое и все время гладила ладонями сутулые плечи Григория, неотрывно смотрела в его глаза своими навеки покорными глазами.

Что-то во взгляде ее томилось жалкое, и в то же время смертельно ожесточенное, как у затравленного зверя, такое, от чего Григорию было неловко и больно на нее смотреть.

Он прикрывал глаза спаленными солнцем ресницами, насильственно улыбался, молчал, а у нее на щеках все сильнее проступал польщущий жаром румянец, и словно синим дымком заволакивались зрачки...

Прохор вышел, не попрощавшись, в сенцах сплюнул, растер ногой плевков.

— Заморока, и все! — ожесточенно сказал он, сходя с порожек, и демонстративно-громко хлопнул калиткой.

LXV

Двое суток прожили они как во сне, перепутав дни и ночи, забыв об окружающем. Иногда Григорий просыпался по-

сле короткого, дурманящего сна и видел в полусумраке устремленный на него внимательный, как бы изучающий взгляд Аксиньи. Она обычно лежала, облокотившись, подперев щеку ладонью, смотрела, почти не мигая.

— Чево смотришь? — спрашивал Григорий.

— Хочу наглядеться досыта. Убьют тебя, сердце мне вещует.

— Ну, уж раз вещует, — гляди, — улыбался Григорий.

На третьи сутки он впервые вышел на улицу. Кудиннов, одного за другим, с утра слал посыльных, просил прийти на совещание.

— Не приду, пушай без меня совещаются, — отвечал Григорий гонцам.

Проход привел ему нового, добытого в штабе коня, ночью съездил на участок Громковской сотни, привез брошенное там седло. Аксинья, увидев, что Григорий собирается ехать, испуганно спросила:

— Куда?

— Хочу пробечь до Татарскова, поглядеть, как наши хутор обороняют, да кстате разузнать, где семья.

— По детишкам скучился?

Аксинья зябко укутала шалью покатые смуглые плечи.

— Скучился.

— Ты бы не ездил, а?

— Нет, поеду.

— Не ездей! — просила Аксинья, и в черных провалах ее глазниц начинали горячечно поблескивать глаза. — Значит, тебе семья дороже меня? Дороже? И туда и сюда потягивает? Так ты либо возьми меня к себе, што ли? С Натальей мы как-нибудь уживемся... Ну, ступай! Езжай! Но ко мне больше не являйся! Не приму. Не хочу я так!.. Не хочу!

Григорий молча вышел во двор, сел на коня.

Сотня татарских пластунов поленилась рыть траншеи.

— Чертовщину выдумывают! — басил Христоня. — Што мы, на германском фронте, што ли? Рой, братушки, обнаковенные, стало быть, окопчики, по колено глубиною. Мысленное дело, стало быть, такую заклекую землю рыть в

два аршина глуби? Да ее ломом не удобишь, не то што лопатой!

Его послушали. На хрящеватом, обрывистом яру левобережья вырыли окопчики для лежания, а в лесу поделали землянки.

— Ну вот, мы и перешли на сурчиное положение! — острил сроду не унывающий Аникушка. — В нурях будем жить, трава на пропитание пойдет, а то все бы вам блинцы с каймаком трескаться, мясу, лапшу со стерлядью... А донничку не угодно?

Татарцев красные мало беспокоили. Против хутора не было батарей. Изредка лишь с правобережья начинал дробно выстукивать пулемет, посылая короткие очереди по высунувшемуся из окопчика наблюдателю, а потом опять надолго устанавливалась тишина.

Красноармейские окопы находились на горе. Оттуда тоже изредка постреливали, но в хутор красноармейцы сходили только лишь ночью, и то не надолго.

Григорий въехал на свое займище перед вечером.

Все здесь было ему знакомо, каждое деревцо порождало воспоминания... Дорога шла по девичьей поляне, на которой казаки ежегодно на Петров день пили водку, после того как «растрясали» (делали) луг. Мысом вдается в займище Алешкин перелесок. Давным-давно в этом, тогда еще безымянном, перелеске волки зарезали корову, принадлежавшую какому-то Алексею, казаку хутора Татарского. Умер Алексей, стерлась память о нем, как стирается надпись на могильном камне, даже фамилия его забыта соседями и сородичами, а перелесок, названный его именем, живет, тянет к небу темнозеленые кроны дубов и караичей. Их вырубают татарцы на поделку необходимых в хозяйственном обиходе предметов, но от коренастых пней весной выметываются живучие молодые побеги. Год-два неприметного роста, и снова Алешкин перелесок летом — в маляхитовой зелени распростертых ветвей, осенью — как в золотой кольчуге — в червонном зареве зажженных утрениками резных дубовых листьев.

Летом колючий ежевишник густо оплетает там влажную землю, на вершинах старых караичей вьют гнезда нарядно

оперенные сизо-воронки и сороки, осенью, когда бодряще и горько пахнут жолудями и дубовым листом — падалицей — в перелеске коротко гостят пролетные вальдшнепы, а зимою лишь круглый, печатный след лисы протянется жемчужной нитью по раскинутой белой кошке снега. Григорий не раз в юношестве ходил туда ставить капканы на лис...

Он ехал под прохладной сенью ветвей, по старым, заросшим колесникам прошлогодней дороги. Миновал девичью поляну, выбрался к Черному яру, и воспоминания хмелем ударили в голову: около трех тополей мальчишкой когда-то гонялся по музочке за выводком еще нелетных диких утят, в Круглом озере с зари до вечера ловил линей... А неподалеку — шатристое деревцо калины. Оно стоит на отшибе, одинокое и старое. Его видно с Мелеховского база, и каждую осень Григорий, выходя на крыльцо своего куреня, издали любовался кустами калины, багряно сияющими, словно охваченными красным языкастым пламенем. Покойный Петро так любил пирожки с горьковатой и вяжущей на вкус пареной калиной...

Григорий с тихой грустью озирает с детства знакомые места. Конь шел лениво, отгоняя хвостом густо кишевшую в воздухе мошкару, коричневых злых комаров. Зеленый пырей и аржанец мягко клонились под ветром. Луг под ветром крылся зеленой рябью.

Подъехав к окопам татарских пластунов, Григорий послал за отцом. Где-то далеко, на левом фланге Христоня крикнул:

— Прокофьич! Иди скорее, стало быть Григорий приехал!..

Григорий спешился, передал поводья подошедшему Аникушке, еще издали увидел торопливо хромавшего отца.

— Ну, здорово, начальник!

— Здравствуй, батя.

— Приехал?

— Насилу собрался! Ну, как наши? Мать, Наталья где?

Пантелей Прокофьевич махнул рукой, сморщился. По черной щеке его скользнула слеза...

— Ну, што-такое? Што с ними? — тревожно и резко спросил Григорий.

— Не переехали...

— Как так?!

— Наталья дня за два легла начисто... Тиф, должно... Ну, а старуха не захотела ее покидать. Да ты не пужайся, сынок, у них там все по-хорошему.

— А детишки? Мишатка? Полюшка?

— Тоже там, а Дуняшка переехала. Убоялась оставаться. Девичье дело, знаешь? Зараз с Аникушкиной бабой ушли на Волхов. А домая уж два раза был. Середь ночи на баркасе тихонько перееду, ну и проотведывал. Наталья — дюже плохая, а детишечки ничево, слава богу... Без памяти Натальюшка-то, жар у ней, ажник губы кровью запеклись.

— Чево же ты их не перевез сюда? — запальчиво крикнул Григорий, комкая в руках плеть.

Старик озлился. Обида и упрек прозвучали в его дрогнувшем голосе.

— А ты чево делал? Ты не мог прибежь загодя перевезть их?

— У меня дивизия! Мне дивизию надо было переправлять!

— Слыхали мы, чем ты в Вешках займаешься... Семья, кубыть, и без надобностей? Эх, Григорий! О боге надо подумывать, ежели о людях не думается... Я не тут переправлялся, а то я не забрал бы их? Мой взвод в Елани был, а покедова дошли сюда, — красные уж хутор заняли.

— Я в Вешках... Это дело тебя не касается!.. И ты мне... — голос Григория был хрипл и придушен.

— Да я ничево! — испугался старик, с неудовольствием оглядываясь на толпившихся неподалеку казаков. — Я не об этом... А ты потише гутарь, люди вон слушают... — И перешел на шопот: — Ты сам не махонькое дите, сам должен знать, а об семье не более душой. Наталья, бог даст, почунется, а красные их не забирают. Телушку-летошницу, правда, зарезали, а так ничево... Поимели милость и не трогают... Зерна взяли мер сорок. Ну, да ить на войне не без урону!

— Может, их зараз бы забрать?

— Незачем, по-моему. Ну, куда ее, хворую, взять? Да и дело рискованное. Им и там ничево. Старуха за хозяйством

приглядывает, оно и мне так спокойнее, а то ить в хуторе пожары были.

— Кто сгорел?

— Плац весь выгорел. Купецкие дома все больше. Сватов Коршуновых начисто сожгли. Сваха Лукинишна зараз на Андроповом, а дед Гришака тоже остался дом соблюдать. Мать твоя рассказывала, што он — дед Гришака-то — сказал: «Никуда со своево база не тронуся, и анчихристы ко мне не взойдут: крестнова знамения убоятся». Он под конец вовзят зачал умом мешаться. Но, как видать, красюки не испужались его креста: курень и подворье ажник дымом схватились, а про нево и не слышать ничего.. Да ему уж и помирать пора. Домовину исделал себе уж лет двадцать назад, а все живет... А жгет хутор дружьяк твой, пропади он пропастью!

— Кто?

— Мишка Кошевой, будь он трижды проклят!

— Да ну?!

— Он, истинный бог! У наших был, про тебя пытал. Матери так и сказал: «Как перейдем на энту сторону, Григорий ваш первый очередной будет на шворку. Висеть ему на самом высоком дубу. Я об нево, — говорит, — и шашки поганить не буду!» А про меня спросил — и ощерился. «А энтова хромова, — говорит, — черти куда понесли? Сидел бы дома, — говорит, — на печке. Ну, а уж ежели поймаю ево, то до смерти убивать не буду, но плетюганов буду вваливать, пожеда дух из нево пойдет!» Вот какой распрочорт оказался! Ходит по хутору, пуцает огонь в купецкие и в поповские дома и говорит: «За Ивана Алексеевича да за Штокмана всю Вешенскую сожгу!» Это тебе голос?

Григорий еще с полчаса проговорил с отцом, потом пошел к коню. В разговоре старик больше и словом не намекнул насчет Аксиньи, но Григорий и без этого был угнетен. «Все прослыхали, должно, раз уж батя знает. Кто же мог переказать? Кто, окромя Прохора, видал нас вместе? Неужели и Степан знает?» Он даже зубами скрипнул от стыда, от злости на самого себя...

Коротко потолковал с казаками. Аникушка все шутил и просил прислать на сотню несколько ведер самогона.

— Нам и патронов не надо, лишь бы водочка была! — говорил он, хохоча и подмигивая, выразительно щелкая ногом по грязному ожерелку рубахи.

Христоню и всех остальных хуторян Григорий угостил припасенным табаком и, уже перед тем как ехать, увидел Степана Астахова.

Он подошел, не спеша, поздоровался, но руки не подал.

Григорий видел его впервые со дня восстания, всматривался пытливо и тревожно: «Знает ли?» Но красивое, сухое лицо Степана было спокойно, даже весело, и Григорий облегченно вздохнул. «Нет, не знает!»

LXVI

Через два дня Григорий возвратился из поездки по фронту своей первой дивизии. Штаб командующего перебрався в хутор Черный. Григорий около Вешенской дал коню отдохнуть с полчаса, напойл его, не заезжая в станицу, направился в Черный.

Кудинов встретил его весело, посматривал с выжидающей усмешкой:

— Ну, Григорий Пантелеев, што видал? Рассказывай.

— Казаков видал, красных на буграх видал.

— Много делов ты усмотрел! А к нам три аэроплана прилетели, патронов привезли и письмишки кое-какие...

— Што же тебе пишет твой корешок генерал Сидорин?

— Мой односум-то? — в том же шутилом тоне продолжая начатый разговор, переспросил необычно веселый Кудинов. — Пишет, штобы изо всех сил держался и не давал красным переправляться. И ишо пишет, што вот-вот двинется Донская армия в решительное наступление.

— Сладко пишет!

Кудинов посерьезнел:

— Идут на прорыв. Говорю только тебе и совершенно секретно! Через неделю порвут фронт восьмой Красной армии. Надо держаться.

— И то держимся.

— На Громке готовятся красные к переправе.

— До се стучат топорами? — удивился Григорий.

— Стучат! Ну, а ты што видал? Где был? Да ты, случаем, не в Вешенках отлеживался? Может, ты и не ездил никуда? Позавчера, никак, всю станицу я перерыл, тебя искал, и вот приходит один посыльный, говорит: «На квартире Мелехова не оказалось, а ко мне из горенки вышла какая-то дюже красивая баба и сказала: «Уехал Григорий Пантелевич», а у самой глаза припухлые». Вот я и подумал: «Может, наш комдив с милушкой забавляется, а от нас хоронится?»

Григорий поморщился. Шутка Кудинова ему не понравилась...

— Ты бы поменьше разных брехнев слухал да ординарцев себе выбирал с короткими языками! А ежели будешь посылать ко мне дюже языкастых, так я им загодя буду языки шашкой отрубать.. Штобы не брехали чево зря!

Кудинов захохотал, хлопнул Григория по плечу.

— Иной раз и ты шутки не принимаешь? Ну, хватит шутковать! Есть у меня к тебе и дельный разговор. Надо бы достать нам языка, это — одно, а другое — надо бы ночушкой, где-нибудь не выше Казанской грани, переправить на эту сторону сотни две конных и взворошить красных. Может, даже на Громок переправиться, штобы им паники нагнать, а? Как ты думаешь?

Григорий помолчал, потом ответил:

— Дело неплохое.

— А ты сам, — Кудинов налег на последнее слово, — не поведешь сотни?

— Почему «сам»?

— Боевитава надо командира, вот почему! Надо дюже боевитава, через то, што это — дело нешутейное. С переправой можно так засыпаться, што ни один не возвернется!

Польщенный Григорий, не раздумывая, согласился:

— Поведу, конечно!

— Мы тут плановали и надумали так, — оживленно заговорил Кудинов, встав с табурета, расхаживая по скрипучим половицам горницы. — Глубоко в тыл заходить не надо, а над Доном, в двух-трех хуторах тряхнуть их так, штобы им тошно стало, разжиться патронами и снарядами, захватить пленных и тем же следом обратно. Все это надо

проделать за ночь, штобы к рассвету быть уж на броду. Верно? Так вот ты подумай, а завтра бери любых казаков на выбор и бузуй: Мы так и порешили: окрома Мелехова, некому это проделать! А проделаешь, — Донское войско тебе не забудет этова. Как только соединимся со своими, напишу рапорт самому наказному атаману. Все твои заслуги распишу и повышение... — Кудинов взглянул на Григория и осекся на полуслове: спокойное до этого лицо Мелехова почернело и исказилось от гнева.

— Я тебе што?!.. — Григорий проворно заложил руки за спину, поднялся. — Я за ради чинов пойду?! Наймаешь?.. Повышение сулишь?.. Да я..

— Да ты постой!

—...плюю на твои чины!

— Погоди! Ты не так меня..

— ... плюю!..

— ... Ты не так понял, Мелехов!

— Все я понял! — Григорий разом вздохнул и снова сел на табурет. — Ищи другова, а я не поведу казаков за Дон!

— Зря ты горячку порешь.

— Не поведу! Нету об это больше речи!

— Так я тебя не силую, и не прошу. Хочешь — веди, не хочешь — как хочешь. Положение у нас зараз дюже сурьезное, поэтому и решил и не дать им... решили им тревоги наделать, не дать приготовиться к переправе. А про повышение я же шутейно сказал. Как ты шуток не понимаешь! И про бабу шутейно тебе припомнил, а потом вижу — ты чевой-то лютуешь. «Дай, — думаю, — ишо его распалю!» Ить я-то знаю, што ты — недоделанный большевик и чины всякие не любишь. А ты подумал, што я это сурьезно? — изворачивался Кудинов и смеялся так натурально, что у Григория на миг даже ворохнулась мыслишка: «А может, он и на самом деле дураковал?» Нет, это ты... хххо-хо-хо!.. погорячился, браток! Ей-богу, в шутку сказал! Подражнить захотел..

— Все одно, за Дон иттить я отказываюсь, передумал.

Кудинов играл кончиком пояска, долго молчал, потом с напускным равнодушием сказал:

— Ну што же, раздумал или испугался — это неважно. Важно, што план наш

срываешь! Но мы, конечно, пошлем ишкова-нибудь. На тебе свет клином пока не сошелся... А што положение у нас зараз дуже сурьезное — сам суди. Нынче из Шумилинской прислал нам Кондрат Медведев новый приказ Троцкого. Он сам направляет на нас войска, живет — как видно из приказа — в Богучаре, и к нам не нынче-завтра будет... Да вот почитай сам, а то ты как раз не поверишь... — Кудинов достал из полевой сумки желтый листок бумаги с бурьми пятнами засохшей на полях крови, подал его. — Нашли у комиссара какой-то интернациональной роты. Латыш был комиссар. Отстреливался, гад, до последней патрона, а потом кинулся на целый взвод казаков с винтовкой наперевес... Из них тоже бывают, из идейных-то... Комиссара подвалил сам Кондрат. Он и нашел у него в грудном кармане этот приказ.

На желтом, забрызганном кровью листке мелким черным шрифтом было напечатано:

«ПРИКАЗ

председателя Революционного военного совета республики по экспедиционным войскам.

25 мая 1919 г. № 100 Богучар.

Прочеть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Конец подлomu Донскому восстанию!

Пробил последний час!

Все необходимые приготовления сделаны.

Сосредоточены достаточные силы, чтобы обрушить их на головы изменников и предателей. Пробил час расплаты с Каинами, которые свыше двух месяцев наносили удары в спину нашим действующим армиям Южного фронта. Вся рабоче-крестьянская Россия с отвращением и ненавистью глядит на те Мигулинские, Вешенские, Еланские, Шумилинские банды, которые, подняв обманный красный флаг, помогают черносотенным помещикам: Деникину и Колчаку.

Солдаты, командиры, комиссары карательных войск!

Подготовительная работа закончена. Все необходимые силы и средства сосредоточены.

Ваши ряды построены. Теперь по сигналу — вперед!

Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону. Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь!

Советская Россия надеется на вас, товарищи солдаты. В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены.

Пробил последний час!
все как один — вперед!»

(Продолжение следует)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
МИХ. ШОЛОХОВ—Тихий дон. <i>Роман</i> (продолжение)	3
ВЛ. ЛУГОВСКОЙ—Жизнь. Город советов. <i>Стихи</i>	21
С. МСТИСЛАВСКИЙ—Партионцы. <i>Роман</i>	24
Н. ПОЛЕТАЕВ—Из цикла „Выздоровление“. <i>Стихи</i>	55
ГРИГОРИЙ ДАЛЬНИЙ—Срок. <i>Повесть</i> (окончание)	58
В. КУДАШЕВ—Камень на дороге. <i>Роман</i> (продолжение)	92

ПЕРЕЖИТОЕ

ЗИНАИДА РИХТЕР—Поход ОСЕВЭК'а (продолжение)	115
---	-----

ЖИЗНЬ НА ХОДУ

БОРИС ГОРБАТОВ—Горный поход. <i>Очерки</i> (окончание)	147
--	-----

КРИТИКА

Е. УСИЕВИЧ—За чистоту ленинизма в литературной теории	169
Г. ЛЕБЕДЕВ—В стороне от дороги	185

Мих. Шолохов—Тихий дон, роман (продолжение), Я. Шведов—Поиски отечества, повесть (продолжение), А. Ругько—На краю, рассказ. Григорий Дальний—Срок, повесть (продолжение). ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Л. Луцманов—Гибель „жемчужины“, очерк. М. Юри—День в шахте, очерк. ПЕРЕЖИТОЕ: Зинаида Рихтер—Поход ОСЕВЭК'а. ПУБЛИЦИСТИКА: Д. Заславский—Капитализм и бандитизм. КРИТИКА: М. Чарный—„Романтики“ и революция. БИБЛИОГРАФИЯ: Н. Плиско—„Литературное наследство“ кн. I и II. М. Гитман—Сборник „Строители новой жизни“. А. Кортунова—Г. Коцюба—„Бронзовые люди“. М. Котов—Сборник стихов „Переключка“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

О К Т Я Б Р Ъ

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

12 № в год

ОКТАБРЬ группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодецк и близких революции писателей советской интеллигенции.

ОКТАБРЬ печатает лучшие произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, ведет борьбу за гегемонию пролетарской литературы.

В 1932 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

1. А. СЕРАФИМОВИЧ—„Борьба“, роман	14. Я. ШВЕДОВ—„Поиски отечества“, повесть
2. Ф. ПАНФЕРОВ—„Бруски“, кн. 3-я	15. В. ГАЛИН—„Литье“, роман
3. А. ИСБАХ—„Кадры“, роман	16. Я. ИЛЬИН—„Большой конвейер“, роман
4. М. ШОЛОХОВ—„Тихий Дон“, кн. 3-я	17. А. ЧЕРНЕНКО—„Морянка“, роман
5. В. СТАВСКИЙ—„Станица“, кн. 3-я	18. И. ЖИГА—„Донбасс“, очерки
6. БАБЕЛЬ—Рассказы	19. А. КАРАВАЕВА—„Баян и яблоко“, повесть
7. Б. ЯСЕНСКИЙ—„Таджикистан“, очерки	20. В. ИЛЬЕНКОВ—Рассказ
8. М. ПЛАТОШКИН—„Развернутым фронтом“, роман	21. З. РИХТЕР—„Поход ОСЕВЭК'а“, очерки
9. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ—Пьеса и записки писателя	22. Л. ОВАЛОВ—Роман
10. В. ГОРБАТОВ—„Жажда“, роман	23. В. БАХМЕТЬЕВ—Рассказ
11. Л. ЛЕОНОВ—Повесть	24. Г. КИШ—Очерки
12. В. ДУБРОВИН—„Конец Самодуровки“, кн. 2-я	25. М. ЭГАРТ—„Опаленная земля“, роман
13. А. МИТРОФАНОВ—„Северянка“, роман	26. Еф. ПОЛОНСКИЙ—„Баку“, кн. 2-я
	27. С. МСТИСЛАВСКИЙ—„Партинцы“, роман
	28. В. ЛУГОВСКОЙ—„Большевики пустыни и весны“ — книга стихов

СТИХИ, ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ, МЕМУАРЫ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ

В отделах: 1) ЖИЗНЬ НА ХОДУ, 2) ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ, 3) ПЕРЕЖИТОЕ, 4) ПУБЛИЦИСТИКА, 5) СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО, 6) КРИТИКА, 7) БИБЛИОГРАФИЯ.

Журнал рассчитан на партийный и комсомольский актив, рабочих-ударников, учащихся, широкие писательские слои и литружковцев.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
Отдельный номер—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями и магазинами. Книгообъединения, его уполномоченными и всюду на почте